

Пока все ждут второй волны кризиса, эксперты подводят итоги первой. Для России они неутешительны: кризиса оказалось достаточно, чтобы окончательно лишить ее статуса мировой державы, но слишком мало, чтобы власти сделали из этого выводы. К такому итогу пришел обозреватель "Власти" Игорь Федюкин, ознакомившись с последними исследованиями экспертов.

Мировой финансовый кризис обошелся с Россией безжалостно. Как известно, российский ВВП сократился в 2009 году на 8%, это хотя и не худший показатель в мире, но самый сильный спад среди 20 крупнейших экономик планеты. Кроме общемировой конъюнктуры большое значение тут сыграли, конечно, и высокая зависимость российской экономики от цен на нефть и сырье в целом, и августовская война с Грузией, спровоцировавшая особенно сильный отток капитала. Надежды, что Россия станет "тихой гаванью для инвесторов", "островом стабильности" в океане кризиса, не сбылись.

Сегодня острая фаза кризиса позади, по крайней мере его первая волна. Будет ли вторая волна, неясно, но попытаться оценить, какое значение кризис имел для России, уже можно. Именно это и пытается сделать группа ведущих американских и российских экспертов в сборнике статей, подготовленных совместно Институтом международной экономики имени Петерсона, Центром стратегических и международных исследований (оба — в Вашингтоне) и Российской экономической школой в Москве. Авторы, впрочем, интересуют не текущее влияние кризиса на экономику России: никаких секретных данных, позволяющих пересмотреть уже имеющиеся цифры падения ВВП, оттока капитала, роста безработицы, у них, конечно, нет. Речь идет о том, изменил ли кризис долгосрочную траекторию развития России.

Главный вывод экспертов, рассматривающих в своих статьях экономику, внутреннюю и внешнюю политику, внешнюю торговлю, "Газпром", нанотехнологии и многое другое, состоит в том, что, несмотря на существенные потери, Россия (а вернее, российская политическая система) сумела пережить кризис. Падение цен на нефть, масштабный отток капитала и международная изоляция, в которой оказалась было Россия после

войны с Грузией, не подорвали тот экономический строй и ту политическую модель, которые выстраивались Владимиром Путиным на протяжении 2000-х. Элита не раскололась, социальная стабильность в целом не нарушилась, оппозиция не смогла мобилизовать население. Наоборот, в ситуации тяжелейшего кризиса система показала жизнеспособность и сумела принять адекватные в целом меры по спасению финансового сектора.

В общем, в краткосрочной перспективе у России все в порядке. Бюджетный кризис ей в настоящий момент не угрожает: хотя российские золотовалютные резервы сократились с \$598 млрд в августе 2008-го до \$436 млрд в марте 2010-го, по этому показателю Россия все еще занимает третье место в мире. Правда, цены на энергоносители не вернулись на докризисный уровень, но, скорее всего, они останутся достаточно высокими, чтобы обеспечить стране несколько спокойных лет. Тем не менее, считают авторы, в долгосрочной перспективе сегодняшняя российская система исчерпала свой потенциал. В этом и состоит центральный вывод книги.

По мнению Андерса Ослунда, одного из авторов сборника, в глухом тупике находятся "Газпром" и государственная политика в отношении "Газпрома": попытки использовать корпорацию в качестве важнейшего орудия внешней и внутренней политики в дальнейшем будут, по-видимому, все менее успешны. Ослунд указывает и на снижение прибыли "Газпрома", и на падение добычи газа, и на стремление Евросоюза, основного клиента компании, диверсифицировать источники поставок, и на развитие новых технологий добычи и транспортировки топлива, которые будут способствовать диверсификации. В большинстве своем, однако, все эти проблемы непосредственно не связаны с кризисом — эксперты говорят о них уже несколько лет.

Кризис как таковой в первую очередь вызвал падение европейского спроса на газ, что, конечно, приведет к необходимости пересмотреть выстроенную "Газпромом" систему долгосрочных контрактов. Ослунд пишет даже, что "кризис, в котором оказался "Газпром", создает наиболее благоприятные, чем когда-либо, условия для реформы российского и европейского энергетического сектора". Однако изменится ли положение "Газпрома" на рынках Европы достаточно сильно и достаточно быстро для того, чтобы вынудить руководство и корпорации, и страны к необходимым реформам, неясно. Ослунд критикует планы строительства "Южного" и "Северного потока" как слишком дорогостоящие и стратегически устаревшие. Тем не менее оба трубопровода, вероятнее всего, будут в итоге построены.

То же самое можно сказать и о других сферах российской политики и экономики, которые обсуждают авторы книги. Проводившаяся на протяжении последнего десятилетия внешняя политика исчерпала себя, указывает Дмитрий Тренин. Как отмечает эксперт, для России были характерны попытки вести себя в отношениях с США и Евросоюзом так, как будто Россия остается равновеликим им глобальным игроком. Россия создавала блок с Китаем, Индией и Бразилией и добивалась от Запада признания за собой права на исключительное влияние в республиках СНГ. Однако все эти ключевые принципы российской внешней политики 2000-х оказались нереализуемыми и бесперспективными. Кремль не способен пока адекватно оценить

свое изменившееся место в мире (например, он по-прежнему воспринимает Китай в качестве младшего партнера) и, самое главное, не способен предложить другим странам привлекательную и успешную политико-экономическую модель.

Конечно, экономический кризис серьезно подорвал стратегические позиции Кремля на мировой арене: если до кризиса Россия позиционировала себя как быстро растущую экономику, страну будущего, то теперь восстановления прежних темпов роста не ожидают, кажется, и в Москве. Даже сама возможность ставить Россию в один ряд с Индией, Китаем и Бразилией, ее партнерами по БРИК, оказывается под сомнением. Но опять-таки никаких признаков готовности Кремля изменить свое восприятие действительности автор не находит: как считает сам Тренин, "для этой трансформации потребуются многие годы, даже десятилетия". Эксперт добавляет, правда, что именно "следующие десять лет станут критически важными" и определяют, будет ли Россия в будущем относиться к числу держав, задающих мировую повестку дня. Но десять лет — это слишком большой срок в политике, чтобы подобное предупреждение могло подтолкнуть кого-то к действию.

«Каждая коррумпирующая сделка или решение суда — это политический капитал того или иного чиновника»

Важной для понимания сложившейся в России ситуации кажется мысль Тимоти Фрая из Колумбийского университета, сформулированная им применительно к коррупции. Устойчивость коррупции, указывает эксперт, связана не с несовершенством законов или административных регламентов, и не с российскими культурными традициями, и не с наследием советского прошлого. Коррупция обусловлена тем, что каждая коррумпирующая сделка или решение суда — это политический капитал того или иного чиновника, отказываться от которого он, конечно, не намерен. Как кажется, эту идею следует распространить и на другие сферы российской жизни, рассматриваемые в книге: и устаревшая внешняя политика, и неэффективная деятельность "Газпрома" обусловлены политическими интересами тех или иных групп. Если это так, то призывать российские власти к модернизации в отдельных сферах бессмысленно: вопрос упирается в необходимость общей политической реформы.

Однако и политической реформы в ближайшие годы авторы сборника также не предполагают. Дэниэл Трейсман из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе напоминает, что популярность российских президентов на протяжении последних двух десятилетий колебалась в зависимости от оценки населением текущей экономической ситуации в стране. Кризисный период не был исключением. Доля россиян, оценивавших положение экономики как очень хорошее, хорошее или среднее, упала в 2008-2009 годах с 64 до 50%. Поэтому, несмотря на всплеск популярности и президента Медведева, и премьера Путина, вызванный войной с Грузией, в целом их рейтинги упали с июня 2008 по апрель 2009 года соответственно с 73 до 68% и с 83 до 76%. Вполне предсказуемо именно на этот период приходится заявления Минтимера Шаймиева и Юрия Лужкова о необходимости восстановить губернаторские выборы и интервью Муртазы Рахимова с резкой критикой в адрес Госдумы и федерального руководства "Единой России". Кремль демонстрировал в этот период явные признаки неуверенности, проявившейся,

например, в посылке в декабре 2008 года московского ОМОНа для разгона митинга во Владивостоке и панической реакции на массовый митинг в Калининграде в январе 2010 года. Отголоском этой неуверенности являются и призывы президента Дмитрия Медведева к модернизации и диверсификации экономики.

Тем самым, полагает Трейсман, все упирается в развитие экономики, то есть в цены на нефть. Если цены существенно вырастут, приближаясь к докризисному уровню, ждать каких-то реформ не придется. Если цены упадут, вероятно появление широкого социального недовольства и раскола внутри элиты. Но, как признает сам Трейсман, предсказать поведение в этой ситуации лидеров невозможно. Наиболее вероятным эксперту кажется промежуточный вариант — сохранение цен примерно на нынешнем уровне. Это означает, что стимулы для проведения реформ будут слишком слабыми и руководство будет ограничиваться вялыми полумерами и громкими призывами. Ситуация в этом случае будет аналогична брежневскому застою.

Авторы сборника указывают, впрочем, что если советская система принципиально не могла быть реформирована ни при каких условиях и была обречена на слом, то российский государственный капитализм все же может эволюционировать. Пока, однако, запустить эволюцию не смог даже крупнейший со времен Великой депрессии мировой экономической кризис.

Источник: [Коммерсантъ](#)